

Развитие и война в стратегической беспрецедентности

Каждое поколение марксизма сталкивалось с переломными моментами, когда решающим становилось понимание связи между темпами капиталистического развития и нарастающим экономическим кризисом, военным кризисом и революционным политическим кризисом. Опыт тех сражений, в которых взаимосвязь между динамикой капитала и войной была центральной, проливает свет на задачи революционной стратегии сегодня. В этом смысле 7 ноября 1917 года, сражение в России за международную революцию, остаётся живой частью нашей истории.

В революциях 1848 года Маркс и Энгельс придерживались схемы, которая так и не реализовалась. Они рассчитывали на вероятность, что в европейской войне против России, оплота феодально-абсолютистской реакции, переплетутся различные классовые условия *буржуазно-демократических революций* в Германии, Италии или Венгрии, и *пролетарской революции*, социальные предпосылки которой во Франции и особенно в Англии к тому моменту уже созрели. Это была стратегия *перманентной революции*, в которой сочетались классовая борьба и борьба между государствами, и где интернациональное объединение этой борьбы, связывающее различные классовые планы, должно было поднять *европейскую революцию* до уровня *социалистической революции*.

Ход событий развернулся в другом направлении; именно революция в Европе, изолировав Англию от континента, позволила ей восстановиться и достичь неслыханного «*процветания*» благодаря связи с развитием мировых рынков, отмечали Маркс и Энгельс в 1850 году.¹ Что касается европейской войны против царского абсолютизма, то она также не состоялась, что позволило России подавить венгерскую революцию. Это были первые шаги марксистской стратегии, но эта схема оказалась не так уж далека от реальности: даже либеральная историография признаёт, что революции 1848 года лишь немного не совпали с Крымской войной 1853 года, и в этом случае пожар действительно изменил бы лицо Европы.

Следующее поколение находилось под влиянием фазы длительного мирного развития в последние десятилетия века, которую сегодня называют *первой глобализацией*, и не смогло воспользоваться «*научным пророчеством*» Фридриха Энгельса о *кризисе конца века* и его интуицией, предвосхитившей черты империализма XX века. Это было поколение, потерявшее стратегию: оно поспособствовало провалу и предательству Второго Интернационала перед лицом войны 1914 года.

Третье поколение, поколение большевиков, напротив, смогло довести марксистскую науку до совершенства, а революционную стратегию – до зрелости. Именно тогда была понята связь между неравномерным капиталистическим развитием, *кризисом порядка* в балансе сил и, наконец, *разрушением порядка* в империалистической войне. Овладевшая пониманием *военного кризиса* и *революционного политического кризиса*, ленинская стратегия привела к победоносному восстанию Октябрьской революции, которое, однако, должно было стать лишь первым штурмом интернационалистической революции.

Однако после разрушения первого звена в цепи мирового империализма, поражение в Германии показало, насколько трудно сломить последующие звенья. В 1919–1921 годах Третий Интернационал вновь оказался перед необходимостью расшифровать связь между ходом капиталистического цикла и революционными перспективами, как и Маркс и Энгельс в 1848–1850 годах. За несколько месяцев произошёл переход от послевоенного экономического кризиса к новой фазе развития; трудность осознания этого внезапного поворота событий объясняет колебания и тактические ошибки, особенно в Германии, которые усугубили изоляцию Октября. Остальное довершила сталинская контрреволюция, и ленинское предвидение о связи судьбы международной революции с мировым развитием и новым циклом буржуазно-демократических революций в Азии также не смогло реализоваться. Время штурма в России не совпало как со временем в Германии, как и со временем в Азии.

В 1930-е годы Интернационал был превращён в инструмент российского государственного капитализма, а затем уничтожен сталинизмом. Оставшиеся в живых представители революционного меньшинства не смогли сохранить и передать далее ленинскую теорию империалистического развития: они переоценили замедление этого развития в Европе,

восприняв его как *стагнацию*, или, по итогам второй мировой войны, интерпретировали его как утверждение всеобщего господства американского империализма. В отличие от штурма 1917 года, в этой войне ни одна часть нашего мирового класса не смогла поднять голос для интернационалистской борьбы. При всей зрелости ленинской стратегии ей не хватило преемственности в революционной теории и организации. Ей не хватило *партии-стратегии*.

В послевоенный период для ядра рабочих и партизан *группы, стоявшей у истоков Lotta Comunista*, первой задачей было именно восстановление связи с ленинской теорией империализма, понимание задач и возможностей действий в этом новом стратегическом цикле. “Тезисы” 1957 года сводились к следующему: длительный цикл мирового капиталистического развития отсрочит кризис империализма и *разрушение порядка* между державами на десятилетия; кризисы и войны останутся частичными и ограниченными. И кризис 1973 года, вызванный *нефтяным шоком* пятнадцать лет спустя, оказался *кризисом реструктуризации*, а не общим кризисом. Развитие новых регионов на Востоке дало возможность растворить противоречия, сковавшие старые западные регионы.

Теперь, когда из этих новых областей выросла такая колоссальная империалистическая держава, как Китай, понимание нового цикла, осознание того, как *империалистическое развитие* тянется за ним и как оно нарушает *глобальный баланс держав*, составляет суть нового сражения революционной стратегии. *Новая стратегическая фаза* определяет свои собственные специфические отношения между мировым циклом и войной.

Сегодняшнее состояние *кризиса порядка* уже не то, что было отражено в “Тезисах” 1957 года, но ещё не то, что стало бы *разрушением порядка*, подобным открывшему путь к революции 1917 года. Находясь на перекрёстке между *империалистическим развитием* и войной, *войны кризиса порядка* ещё не превратились в *империалистическую войну* слома этого порядка, даже если сам правящий класс указывает на её очертания на горизонте, чего не было в предыдущие десятилетия.

Таким образом, понимание *стратегической беспрецедентности* эпохального изменения, связанного с вторжением китайского империализма, на которое реагируют державы старого порядка, – это сражение, которое вписано во всю траекторию революционной стратегии, от её начала в 1848 году до зрелости в 1917-м, от поражения в 1930-х годах до трудного восстановления в 1950-х. Это относится как к новому характеру мирового противостояния, так и к непосредственным политическим задачам, вытекающим из него.

(Продолжение на стр. 2)

Октябрь 2024 г.

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 7. С. 230.